

здѣсь имѣемъ предъ собой крайнее нарушеніе здоровой цѣльности личности и въ этомъ смыслѣ представленіе Шопенгауера о гениі по своей рѣзкости врядъ ли уступаетъ самымъ исключительнымъ примѣрамъ изъ тѣхъ, которые мы нашли у Рибо.

Но оставимъ вопросъ о генияхъ и перейдемъ къ менѣе исключительному и болѣе понятному кругу явленій. Если мы привели мысли Шопенгауера о гениі, то только въ виду того, что въ нихъ, благодаря ихъ рѣзкости, съ особенной опредѣленностью выступаетъ его руководящій взглядъ на источникъ непривлекательности жизни. Несравненно яснѣе и при томъ реальнѣе та же точка зрѣнія обнаруживается въ его воззрѣніяхъ на счастье.

Надо сказать, что всѣ пессимисты считаютъ внѣшнія блага жизни и вообще внѣшнія обстоятельства не имѣющими никакого существеннаго значенія для счастья ¹⁾. Подвергая разбору богатство, славу, общественное положеніе, они упираютъ на то, что все это нисколько не обезпечиваетъ самого счастья. Напротивъ, на каждомъ шагу видимъ мы людей, осыпанныхъ внѣшнимъ благополучіемъ и въ то же время скучающихъ, не знающихъ, что съ собой сдѣлать, какъ убить время и чѣмъ разсѣять безпричинную тоску. Такъ же, повидимому, безпричинна веселость иныхъ людей, которые всюду вносятъ съ собой оживленіе и довольство, наперекоръ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Одна и та же внѣшняя обстановка, — говоритъ Шопенгауеръ, — производитъ на каждого человека свое особое впечатлѣніе. Видъ самой красивой мѣстности можетъ быть совершенно испорченъ дурной погодой или отраженіемъ въ плохой камерѣ-обскурѣ; точно также для иного человека самыя лучшія радости жизни — все равно, что драгоценнѣйшія вина во рту, покрытомъ желчью. Самая богатая роскошь, отраженная въ блѣдномъ сознаніи ограниченнаго человека, бѣдна и жалка въ сравненіи съ тѣмъ, что чувствовалъ Сервантесъ, когда въ тѣсной тюрьмѣ писалъ своего Донъ-Кихота. Упуская это изъ виду, иной читатель Байрона или Гёте, наталкиваясь въ ихъ произведеніяхъ на вещи, явно взятые изъ дѣйствительной жизни, пожалуй, вздумаетъ завидовать, что имъ посчастливилось на интересныя встрѣчи и событія; а между тѣмъ, тотъ же читатель, можетъ быть, самымъ равнодушнымъ образомъ прошелъ бы мимо того, что въ душѣ художника породило произведеніе, полное интереса, — ему бы показалось малозначущимъ и неинтереснымъ то самое, что, освѣщенное душевнымъ міромъ гениа, приводитъ его въ восторгъ и доставляетъ самое возвышенное наслажденіе.

¹⁾ Parerga I, Aphorismen zur Lebensweisheit, стр. 334—42, 351. Welt I, 373.